

ставления услуги, условия ведения приема посетителей и число документов, необходимых для получения услуги.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, во-первых, что усилия органов государственной власти и местного самоуправления по повышению качества предоставляемых ими ГМУ в целом положительно сказываются на удовлетворенности их получателей; во-вторых, что имеются резервы повышения качества ГМУ и удовлетворенности их получателей. Такими резервами, судя по результатам исследования, явля-

ются: а) первоочередное решение наиболее «неподатливых» проблем (прежде всего, больших очередей при обращении с заявлениями на предоставление услуг и при получении их результатов); б) подтягивание до лучших образцов качества предоставления всех ГМУ; в) ускорение внедрения инноваций по предоставлению ГМУ (их предоставление по принципу «одного окна» через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг и переход к предоставлению государственных услуг в электронном виде).

УДК 316.443

РАЗИНСКИЙ Геннадий Вениаминович –

старший научный сотрудник, заведующий лабораторией социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

*614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, 29, корп. А
labsoc@pstu.ru*

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ/НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

FACTORS DETERMINING SOCIAL WELFARE/ ILL-BEING IN PRESENT-DAY CITY

Продолжая тематику исследования феномена патернализма как одной из определяющих характеристик развития (и стагнации) современного постсоветского общества, автор анализирует структуру факторов, определяющих уровень и качество социального благополучия современного горожанина, соотнося их с проявлениями синдрома патернализма.

Ключевые слова: социальное благополучие, социальная стратификация, синдром патернализма, социокультурные факторы, отношение к рынку, город и его жители, социальное самочувствие, социальный статус

Continuing the theme of study of the phenomenon of paternalism as one of the defining characteristics of the development (and stagnation) of the contemporary post-Soviet society, the author analyzes the structure of the factors determining the level and quality of social well-being of the modern city dweller, correlating them with manifestations of the paternalism syndrome.

Keywords: social welfare, social stratification, syndrome of paternalism, social and cultural factors, attitude to market, city and its residents, social well-being, social status

При исследовании такого социального феномена, как социальное благополучие, необходимо как избегать сведения его исключительно к характеристике материального положения той или иной социальной группы,

так и трактовать его излишне расширительно, включая в это понятие практически все стороны бытия человека, делая его синонимом всей социальной жизни общества в целом и отдельных его групп в частности. Преодолеть эти

крайности возможно, если идти не от дефиниции, а от описания структурных составляющих, определяющих содержание этого понятия.

Плодотворным, с нашей точки зрения, представляется выделение факторов, определяющих социальное благополучие/неблагополучие тех или иных групп общества.

В качестве иллюстрационно-аналитического материала в настоящей статье используются результаты социологического мониторинга общественного мнения населения г. Перми, проводившегося лабораторией социологии Пермского политехнического университета в 2007–2010 гг., в котором автор принимал активное участие (на каждом этапе опрашивалось примерно 1400 чел., представляющих основные группы городского населения и все районы города), а также данные социологического опроса основных групп населения Перми, проведенного автором в рамках реализации исследовательского проекта, посвященного изучению патерналистского синдрома (всего опрошено 1 040 чел., представляющих 11 основных групп городского населения). Использование результатов двух исследований, объекты которых пересекаются (в обоих случаях это основные группы городского населения г. Перми), а предметы представляют различные стороны их городского бытия, позволяют проследить, в какой степени оценка респондентами горожанами своего социального благополучия соотносится с проявлениями патерналистских и антипатерналистских настроений.

С этой целью были проанализированы факторы и составляющие их элементы, определяющие социальное поведение горожан и оценку ими своего социального благополучия (сразу оговоримся: каждый из них имеет свою равнозначимую ценность, и порядок их изложения не является иерархическим):

– социокультурные факторы: уровень образования, отношение к роли государства и уровень правосознания;

– социально-адаптационные факторы: отношение к рынку;

– социально-стратификационные факторы: отношение к социальной дифференциации;

– материально-статусные факторы:

оценка уровня своего (и своей семьи) материального положения;

– поведенческо-оценочные факторы: уровень включенности в городскую общность, выбор стратегий поведения в кризисный период, оценка социального самочувствия.

Остановимся на каждой из этих групп факторов.

Социокультурные факторы. Во-первых, хотя пермский социум отличается весьма высоким образовательным уровнем (около 60% респондентов имеют среднее специальное и высшее образование), у 40% оно существенно ниже, а каждый 10-й имеет неполное среднее образование, причем с каждым годом доля последних медленно, но неуклонно растет. Во-вторых, несмотря на столь высокий образовательный статус, пермских жителей отличает весьма высокая ориентация на доминирующую роль государства, что демонстрирует патерналистскую ориентированность опрошенных. В-третьих, и это вполне коррелирует с такой ориентацией, их отличает весьма неоднозначное отношение к роли законов в их жизни: более половины опрошенных не склонны к правовой лояльности.

Социально-адаптационные факторы. Наши данные показывают, что значительная часть горожан или вообще не восприняли рыночные реальности (около трети опрошенных по обоим исследованиям), или сделали это вынужденно (почти половина) и лишь каждый 4-й заявил о своей прорыночной ориентации. При этом в значительной мере эта прорыночность (вынужденная или добровольная) в существенной степени носит вербально-демонстрационный характер. В своей повседневной жизни респондентов отличает большая приверженность антирыночному поведению, причем просматривается тенденция к росту доли горожан, склонных к такому поведению. Последнее подтвердило гипотезу, выдвинутую авторами исследовательского проекта, посвященного синдрому патернализма, согласно которой вынужденная адаптация к рыночному обществу является не этапом перехода к полной интеграции в реалии общества рыночного типа, а, наоборот, скрытой формой стагнации антирыночных настроений [Разинский 2014: 185-186].

Социально-стратификационные факторы в мониторинговом и в грантовом исследованиях нашли отражение в отношении респондентов к социальному расслоению в обществе: опрошенные фактически раскололись на две примерно равные доли – на социально толерантных, склонных к признанию правомерности социальной дифференциации, и социальных эгалитаристов, не признающих эту рыночную реальность и ориентирующихся на уравниТЕЛЬСКИЕ отношения.

Материально-статусные факторы. В частности, соотношение оценки материального положения семьи и среднедушевого дохода, помимо всего прочего, является контраргументом абсолютизации материального положения как доминанты социального благополучия: существуют ножницы между реальным положением человека и его самооценкой, что определяется воздействием целого комплекса факторов, о чем и идет речь в настоящей статье.

Все это вместе взятое определяет содержание *поведенческо-оценочных факторов* социального благополучия/неблагополучия представителей городского социума в континууме «пассивность – активность».

Во-первых, это подтверждает анализ уровня сопричастности горожан к жизни своего города. В основном преобладает эмоционально-созерцательный уровень приобщенности: если примерно 80% респондентов город нравится, то уже всего лишь 2/3 опрошенных хорошо осведомлены о городской жизни и только 1,4% их в той или иной степени участвуют в городском управлении.

Во-вторых, об этом свидетельствует выбор горожанами той или иной стратегии поведения в кризисный период: активно-деятельностные стратегии выбирает менее 8% опрошенных, тогда как около 60% склонны выжидать, 1/3 ждут посторонней помощи, прежде всего от государства.

Наконец, в-третьих, это характеризуется непосредственно социальным самочувствием горожан. Так, если в целом преобладает позитивное видение своего (и своей семьи) будущего, причем с каждым годом оно возрастает, и лишь 1/3 респондентов настроены пессимистически, то в частности перспективы

оцениваются участниками опросов не столь радужно. Достаточно сказать, что лишь каждый 5-й оптимист выражает уверенность в своем будущем, тогда как 80% довольствуются лишь надеждой – весьма эфемерной формой позитива. С другой стороны, для более 80% пессимистов их неуверенность в будущем ассоциируется с беспокойством и тревогой, а для каждого шестого – с безысходностью.

Разумеется, приведенные данные не исчерпывают всю проблематику явления, которое стало предметом настоящей статьи. Тем не менее приведенные данные, их аналитическая интерпретация дают основания для некоторых обобщений.

Во-первых, перечисленные выше факторы отражают некоторые общероссийские закономерности социального развития, связанные как с социокультурным и историческим генезисом российского общества, так и с незавершенностью процесса его социальной трансформации.

Во-вторых, приведенные данные делают недостаточным определение социального благополучия как согласованности ожиданий, с которыми люди связывают успех своего жизненного бытия, и их реализации, т.к. в таком случае достаточным оказывается минимизация потребностей, прежде всего в их материальном выражении, и, соответственно, их достижение, что исключает возможность освоения всего разнообразия социальной жизни, особенно в том, что касается стимулирования активно-деятельностного потенциала личности.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, доминирующим фактором, определяющим оценку и самооценку городскими жителями уровня своего благополучия, является их принадлежность к патерналистскому или антипатерналистскому типу восприятия и поведения в рамках того социума, который является их жизненной средой.

Это и составляет суть того социально-ценностного и поведенческого противоречия, которое определяет сосуществование следующих двух моделей социального благополучия/неблагополучия, которые были агрегированы по алгоритму, применяемому при конструиро-

вании так называемых идеальных типов по М. Веберу [Вебер 1995: 581-582].

Консервативно-инерционная (патерналистская) модель базируется на традиционных представлениях о жизненном успехе. Для ее приверженцев характерны: низкий уровень материальной обеспеченности; пассивно-выжидательный, социально-иждивенческий подход, ожидание помощи извне (прежде всего, от государства); слабая развитость адаптивных механизмов, что затрудняет их интеграцию в рыночную систему отношений; неприятие социальной дифференциации и стремление к социально уравнивательным отношениям; неразвитость правого самосознания; отчужденность от социальной среды, нежелание и неумение самостоятельно преодолевать жизненные трудности, пессимистическая оценка своих жизненных перспектив. Эти составляющие данной модели социального благополучия вполне коррелируют с описанием основных характеристик патерналистского синдрома и его проявлений в городском социуме, изложенных автором в недавних статьях [Разинский 2012: 83; Разинский 2013: 394].

Деятельностно-динамическая (антипатерналистская) модель отличается нацеленностью на активное освоение окружающей социальной среды. Ее приверженцев отличает достаточно высокий уровень материальной обеспеченности, в своей повседневной жизненной практике они рассчитывают, прежде всего, на собственные возможности. Они менее зависимы от других (в т.ч. и от государства), демонстрируют высокие адаптив-

ные способности, интегрированность в рыночные отношения как на вербальном, так и на поведенческом уровне. Их отличает высокий уровень правосознания, толерантное отношение к социальной дифференциации, стремление (и реализация) личностной активности в освоении всех уровней социальной среды, желание и умение выбрать оптимальный вариант преодоления жизненных коллизий.

Как и любые другие подобные построения, модели социального благополучия/неблагополучия, обладая определенной степенью абстракции по отношению к реальной жизни, тем не менее проявляют себя как некие тенденции, которые как раз и имеют отношение к российским реалиям. Поэтому поиск путей преодоления тенденций, нашедших отражение в первой модели, и стимулирование тенденций второй составляют задачу как научного сообщества, так и управленцев-практиков. И в этом контексте учет зависимости социального благополучия горожан от степени их подверженности патерналистскому синдрому (что, кстати сказать, подтверждает тезис о всеобщности феномена патернализма как синдрома, пронизывающего все ткани социума) в существенной мере облегчает решение этой задачи как на научном, так и на социально-политическом уровне.

Настоящая статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Синдром патернализма как системообразующий фактор развития российского общества: региональный аспект», выполняемого при финансовой поддержке РГНФ (№ 12-03-00063).

Литература

Вебер М. 1995. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики. — *Культурология XX век*: антология. М.: Юрист. С. 557-603.

Разинский Г.В. 2012. Патернализм: структурные характеристики. — *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. Материалы XI Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора З.И. Файнбурга. Пермь, ПНИПУ, 21-22 ноября 2012. Пермь: Изд-во ПНИПУ. С. 82-85.

Разинский Г.В. 2013. Патернализм в городской среде: факторы социальной пассивности населения. — *Формирование гуманитарной среды в вузе*. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Пермь: Изд-во ПНИПУ. Т. I. С. 393-397.

Разинский Г.В. 2014. Синдром патернализма: первые результаты полевого исследования. — *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. Материалы XII (заочной) Всероссийской научной конференции,

посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга. Научное текстовое электронное издание. Пермь, ПНИПУ, декабрь 2013. Пермь: Изд-во ПНИПУ. С. 181-187.

ГАНЮШКИНА Элеонора Александровна –

аспирант кафедры политологии и политического управления РАНХиГС.

119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, стр.1.

ella.nora2013@ya.ru

ПРОТЕСТНЫЙ ДИСКУРС «РУССКОГО МАРША»

THE «RUSSIAN MARCH» PROTEST DISCOURSE

Статья посвящена анализу феномена «Русского марша» как модели протестной ритуальной коммуникации, осуществляемой спикерами праворадикального дискурса с целью подрыва статуса официальной власти. В рамках дискурс-анализа автор рассматривает вопрос о том, какую роль играет исторический ресурс в процессе конструирования мифопанорамы протестного ритуала. С этой же целью проводится интент-анализ рекламно-презентационных материалов коалиции «Русский марш».

Ключевые слова: «Русский марш», протестный политический ритуал, манипуляция историческими сюжетами, политический миф, конкуренция политических дискурсов

The article is devoted to the analysis of the «Russian march» phenomenon as a model of protest and ritual communication, realizing by speakers of extreme right discourse with the aim of undermining the status of official power. In the context of discourse-analysis the author examines the question about the role of historic resource in the process of constructing the myth-panorama of protest ritual. Intent-analysis of publicity and presentation materials of the «Russian march» coalition is also carried out.

Keywords: «Russian march», protest political ritual, manipulation by historic subjects, political myth, competition of political discourses

Известно, что новые движения и партии нередко самоутверждаются на базе исторической ретроспекции с привлечением различных политических мифов. При этом максимальный эффект достигается с помощью ритуальной «инсценировки идентичности».

В качестве примера можно привести «Русский марш»¹, заявивший о себе в публичном пространстве в 2005 г. Он появился на улицах Москвы и стал ответом на закрепление в том же году в календаре государственных праздников исторической даты 4 ноября как Дня народного единства (День Казанской иконы Божией Матери в Российской

империи). Эта дата восстанавливала в массовом сознании память о событиях 1612 г., когда наша страна была освобождена от польско-литовских оккупантов силами народного ополчения под предводительством Минина и Пожарского. Утвержденная вновь традиция празднования Дня народного единства отвечала мейнстриму правящей партии: трансляции державной идеи и оживлению православных ценностей как элемента историко-духовного наследия. К тому же формировался «заградительный миф» по отношению к советскому мифотворчеству об Октябрьской революции. Однако вследствие размытости государственного проекта национальной идентичности и многократного маневрирования между цивилизационными и национальными вариациями идентичности [Малинова 2013: 368-369] реанимированная традиция, вместо того чтобы поддержать статус-кво существующего режима и сплотить гражданское общество в единое целое, обернулась его дискурсивным

¹ «Русский марш» группирует вокруг себя широкий спектр идеологических течений русского национализма. Однако на руководящих позициях в иерархической структуре оппозиционной коалиции находится этнополитическое объединение «Русские», куда вошли видные идеологи крайнего национализма, например, такие как Игорь Артемов, Владимир Басманов, Александр Белов, Дмитрий Демушкин, Дмитрий Бобров и др.